

не только христіанскій, но и вообще нравственный характеръ. Мораль безъ нравственной личности и нравственнаго идеала, какъ единственной цѣли всякой нравственной дѣятельности, — своеобразное смѣшеніе нравственныхъ задачъ съ соціологическими мечтаніями, — странная смѣсь аскетизма, утилитаризма и эвдемоизма, — счастье вмѣсто добра, матеріальное довольство вмѣсто нравственнаго совершенства, — вѣщныя рецепты вмѣсто заповѣдей личнаго совершенства и спасенія, — безсмысленный конецъ человѣческой исторіи и нравственнаго процесса — вотъ основныя черты того нравственнаго ученія, которое предлагается намъ подъ видомъ христіанской морали. Умъ, отказавшійся отъ христіанской догматики и замѣнившій ее самымъ непослѣдовательнымъ пантеизмомъ, потерпѣлъ роковую неудачу. Онъ не только породилъ удивительную смѣсь непримиримыхъ противорѣчій, психологическихъ и метафизическихъ нелѣпицъ, но и сдѣлалъ все, чтобы выработанная имъ мораль не имѣла успѣха и долговѣчности.

Въ самомъ дѣлѣ, кто можетъ принять заповѣдь о любви къ ближнему въ томъ освѣщеніи, какое далъ яснополянскій моралистъ-философъ?

Не приметъ ея, прежде всего, то множество христіанъ, которые еще вѣрують въ христіанскіе догматы и въ вѣрѣ во Христа находятъ какъ лучшія основанія и побужденія любить ближняго, такъ и величайшій нравственный, не уничтожаемый смертію смыслъ жизни. Перемѣна этими вѣрующими ихъ идеаловъ на идеалы Л. Толстого будетъ непонятной перемежной высшаго идеала на низшій и на эту перемежную не согласится ни одинъ истинно вѣрующій.

Не примутъ нравственнаго ученія Л. Толстого и множество современныхъ себялюбцевъ, всѣми мѣрами культивирующихъ свой эгоизмъ и живущихъ на счетъ благоденствія ближнихъ. На почвѣ самой философіи Л. Толстого они могутъ прекрасно обосновать свою мораль эгоизма, прицѣпившись къ его ученію о животной личности съ присущимъ ей эгоизмомъ, какъ временной оболочкѣ частицы всеобщаго безличнаго разума. Прекрасно достигая личнаго счастья на счетъ благоденствія другихъ, они не найдутъ въ морали Л. Толстого побужденій къ